

Взгляд из регионов

VR В статье анализируется роль этничности для построения стратификационной структуры и, в частности, этническая экономика. Автор – представитель «престижного» ныне питерского региона. В настоящее время он одновременно является слушателем МВСШЭН и Российской экономической школы, а также аспирантом Института этнологии и антропологии РАН. Ранее мы уже публиковали в журнале материал на данную тему О. Бредниковой и О. Паченкова (кстати, они тоже из Санкт-Петербурга) ([2002. Т. 3. № 2. С. 74–81](#)). Статью Е. Фирсова можно считать прямой полемикой с ними.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ, ЭТНИЧНОСТЬ И ЭТНИЧЕСКИЕ ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ)

Фирсов Е. Ю.

Санкт-Петербург

аспирант Института этнологии и антропологии РАН,
студент факультета социологии МВШСЭН, студент РЭШ

Email: efirsov@nes.ru

Задача данной статьи – выяснить, приводит ли к заметному упрощению/искажению реальности игнорирование в стратификационном анализе современного российского общества деления по этническому принципу.

Интересующий нас вопрос лежит в плоскости двух наук – этнологии и социологии. Поэтому для ответа на него нам придется сначала решить проблему связи понятийного и аналитического аппаратов задействованных дисциплин. Следующим (после установления междисциплинарной смычки) шагом будет собственно стратификационный анализ выделенных групп. Специфика интересующего нас сюжета в том, что основные социологические теории, призванные упорядочить накопленный эмпирический материал, разрабатывались западными учеными применительно к реалиям своих обществ. Краткое резюме исследований этнического предпринимательства/этнических экономик в Европе и США позволит нам определить ту систему координат, в которой будут проходить наши российские штудии. Рассмотрению соответствующей отечественной литературы и построению собственной теории соотношения этничности и стратификации будут посвящены два последних раздела работы. При этом на протяжении статьи мы будем постоянно возвращаться к проблеме импортирования накопленного (западного) знания для анализа российской действительности.

Исходный пункт: диаспорные группы и этнические сети

Существующее в массовом сознании современного общества представление об этническом единстве миграционных сообществ давно уже стало объектом деконструктивных усилий некоторых пишущих о диаспорах ученых. Однако внешне достаточно правдоподобные утверждения целого ряда антропологов и социологов [см., например: Тишков 2000; Малахов 2001] об искусственности и надуманности делений по этническому признаку вступают в явный конфликт со свидетельствами о реальности доминирования этнических групп в различных секторах экономики, существования сетей взаимной поддержки мигрантов-

земляков и пр. Пытаясь преодолеть это затруднение, ученые стараются объяснить причины противоречий и предлагают свои варианты «перепрочтения» полевых свидетельств.

Применительно к исследованию новых этнических групп в «русских» регионах России типовой теоретической логикой становится рассмотрение этнических категорий как результата действия в целом случайных процессов перекройки административных границ в советском прошлом, навязывания стигмационных ярлыков и глобального конструирования этнических сообществ. Такая трактовка позволяет отказаться от идеи обусловленности этнического разделения *реальными* совокупностями, связанными с культурным единством, и постулировать поверхностность этнического самосознания, которое легко подвергается изменениям в связи с внешними обстоятельствами и не оказывает серьезного влияния на экономическое и социальное поведение индивидов [подробнее о критике данного подхода см.: Фирсов 2004].

Противоположная точка зрения состоит в большей акцентуации этнического единства. Особенно убедительной для нас выглядит теория этноса Чебоксарова – Арутюнова [см.: Арутюнов, Чебоксаров 1972; Арутюнов 1989]: основой этнических совокупностей являются плотные потоки специфической культурной информации, которой обмениваются их члены в ходе коммуникаций. Такие общности реально существуют и самовоспроизводятся во времени [см. также: Попков 2003; Фирсов, Кривушина 2004].

Ключевым для нас разделением между двумя полярными трактовками является также способ, которым этничность влияет на поведение в различных ситуациях. В соответствии с этим диаспора/этническая группа оказывается либо совокупностью рациональных и независимых друг от друга действующих индивидов, либо типом «коллективного тела», отдельные части которого – конкретные люди – могут анализироваться как часть суммарно неразделенного целого. Как мы увидим ниже, разница в исходных пунктах трактовки определит в конечном счете возможность или невозможность построения на базе этничности связанной стратификационной теории, одним из главных принципов которой является иерархическое ранжирование социальных различий [Радаев, Шкаратан 1996: 27].

Западные теории

Массовые миграции второй половины XX в. породили множество исследований адаптации и ресоциализации иммигрантов. Чрезмерная концентрация переселенцев в определенных секторах экономики поставила вопрос о причинах этого явления, получившего название этнического предпринимательства. В литературе мы сталкиваемся со следующей теоретической дихотомией: объяснять особенности интеграции факторами культурного, коммуникационного, информационного единства этнической группы или сконцентрировать внимание на политике принимающего общества, ставящего рациональных агентов-мигрантов в ситуацию таких кредитных и институциональных ограничений, что они *вынуждены* выбрать именно такой способ адаптации.

Приведем несколько характерных экономико-социологических моделей.

1. Модели этнического обособления Э. Боначич [Bonacich 1972, 1973]. В первой работе (1972) автор утверждает, что к антагонизму, который находит свое выражение в этнических терминах, приводят не расово-культурные различия, а экономический конфликт между тремя типами акторов: владельцами предприятий, высокооплачиваемыми местными рабочими и готовыми работать за любые деньги иммигрантами. Расколотость рынка труда по этническому признаку является в большей степени следствием асимметрии информации и различия в торговой власти между нанимателями и работниками-иммигрантами [Bonacich, 1972: 549–550], чем специфических характеристик этнических образований – подобное явление вполне может возникнуть и при найме арестантов или женщин [Ibid: 552]. Таким

образом, механизмы исключения и кастообразования имеют, по мнению Боначич, не столько культурные, сколько экономические основания.

В своей последующей широко цитируемой работе (1973) Боначич продолжает исследование механизмов исключения, определяя модельный идеальный тип теперь уже не как группу иммигрантов – наемных работников, а как исторический пример меньшинства-посредника, занимающего скорее промежуточные, чем низкостатусные позиции в иерархиях [Bonacich 1973: 583]. Оно возникает также не столько в связи с особой предрасположенностью группы к мелкой предпринимательской деятельности, сколько как следствие особенностей самого процесса миграции/пребывания в составе принимающего общества, которое меньшинства стремятся покинуть сразу после достижения своих (материальных) целей. Сплоченность в рассеянии, таким образом, становится следствием сохранения этнического самосознания и антиассимиляционной настроенности мигрантов, а также отторжения со стороны непосредственного окружения, выражающего агрессию по отношению к не желающим интегрироваться чужакам. Институциональная ловушка захлопывается тогда, когда изоляция еще более усиливает солидарность (в том числе и экономическую) переселенцев и делает рыночную конкуренцию с ними еще более сложной.

2. Модели Уолдингера, Уолдингера – Уорда – Олдрича. В своей работе Р. Уолдінгер [Waldinger 1986] тоже делает попытку отойти от собственно культурных оснований и предложить свою экономическую трактовку этнического предпринимательства. Теперь, правда, он фокусируется не на групповом взаимодействии, как Боначич, а предлагает оригинальную микроэкономическую теорию иммигрантского бизнеса. Основой успеха мигрантов становится не постепенное вытеснение местных предпринимателей в результате жесткой конкуренции и недоступной для них групповой мобилизации, а занятие рыночных ниш, пустующих в силу малой прибыльности, волатильного спроса и значительной рискованности капитальных вложений. Идеи Уолдингера очень изящны. Кроме очевидного довода о преимуществе многофункциональности над специализацией в ситуации отсутствия стабильности и экономии от масштаба [Ibid: 22–24] автор предлагает значительно более изощренные модели функционирования неструктурированных рынков труда в нишевой экономике – именно здесь, по Уолдінгеру, и начинают «играть» ресурсы этнической солидарности [Ibid: 33–39]. Главный итог его построений таков: с одной стороны, этническая экономика оказывается производной от экономики принимающего общества, с другой – и это особенно важно для темы нашей работы, – значение культурных ресурсов этнических сообществ и исторических обстоятельств иммиграции не отрицаются. При этом, хотя данное явление и не рассматривается впрямую с точки зрения социальной стратификации, четкая экономическая логика предлагает особое место для этнических предпринимателей в иерархии принимающего общества. Механизм интеграции в экономику через занятие *покинутых* местным бизнесом рыночных ниш позволяет фиксировать «выявленную стратификацию» (своеобразный аналог экономических «revealed preferences») – шкалированную самим обществом социально-профессиональную структуру занятости.

Широко цитируемая работа Р. Уолдингера, Р. Уорда и Х. Олдрича [Waldinger, Aldrich, Ward 1990] в теоретическом отношении во многом повторяет вышеописанный текст. Наиболее существенным добавлением стал особый акцент на институциональных/правовых ограничениях, накладываемых принимающим обществом на деятельность предпринимателей-иммигрантов [Ibid: 28–31]. Более проработаны и неэкономические типы изоляции иммигрантских сообществ. В случае чрезмерной локальной концентрации этнической группы экстенсивному развитию этнического бизнеса препятствует ограниченность рынков сбыта. Тема соотношения типа расселения и экономических стратегий переселенцев всесторонне рассматривается и в работе Р. Уорда [Ward 1999]. Главным ее выводом стал тезис о тесной корреляции между возможностями, предлагаемыми экономикой принимающего общества, и пространственными стратегиями мигрантов [Ibid:

125] – утверждение вполне в духе построений Уолдингера, с описания которых мы начали данный раздел.

3. Модель И. Лайта и С. Карагеоргиса. Существенным нововведением в обобщающей работе этих двух авторов [Light, Karageorgis 1994] стала четкая формулировка принципов выделения этнических экономик, обязательной чертой которых является не использование ресурсов этнической солидарности, а характер занятости иммигрантов в принимающем обществе. Ключевым становится тот факт, что переселенцы придают большее значение не возможностям, предлагаемым на местном рынке труда, а самостоятельному решению проблемы обеспечения себя средствами к существованию. Ориентировка этнических предприятий на удовлетворение собственно спроса на «этнические» товары в связи с этим не принципиальна – не замыкание в эссенциальные рамки своей среды, а скорее, наоборот, экстенсивное развитие определяет успешность этнических экономик. Такая чисто экономическая перспектива, впрочем, не исключает необходимости объяснять, почему достижения разных меньшинств так различаются. Авторы не предлагают здесь опираться только на традиционные объяснения, связанные с использованием этнических ресурсов. Не менее принципиальна классовая солидарность: «Классовая принадлежность в стране исхода предшествует и репродуцирует себя в принимающей стране» [Ibid: 659].

Рассмотрение основных западных теорий этнического предпринимательства позволяет сделать важные для нашей темы выводы. На первый план в объяснениях выходят не столько культурные стороны этнических общин, сколько рациональные стратегии их членов. Экономике мигрантов – это вовсе не могущественные мафиозные структуры, функционирование которых описывается особой «нечеловеческой» логикой. Сложности адаптации переселенцев к социальным и экономическим структурам принимающих обществ редко позволяют им добиться значительных успехов. Конкретные стратегии определяются предысторией и мотивами миграции. В ходе борьбы за существование используются *все* возможные (а не только этнические) ресурсы.

Российские тексты

Материал для коллективной монографии «Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность», вышедшей под редакцией одного из ведущих отечественных этносоциологов Л.М. Дробижевой [Социальное неравенство... 2002], дали массовые опросы (общее число респондентов около 4,5 тыс. человек) в четырех российских регионах – Якутии, Татарстане, Башкортостане и Оренбургской области, а также серии глубинных интервью с экспертами. Стратификационная роль этничности выявлялась авторами как через сравнение характерных траекторий (вертикальной) мобильности представителей русского населения и титульных национальностей за последние полвека, так и на психологическом уровне – через определение межэтнических установок и стереотипов. Приведенные в книге данные четко показывают, что с течением времени конфигурация занятости различных этнических групп, а также соотношение между различными игроками этнической сцены претерпевают значительные изменения. Таким образом, вывод о том, что этнический фактор вполне может использоваться для построения стратификационных схем, оказывается вполне уместным.

Тем не менее приведенные в данной работе результаты не могут дать четкого ответа на вопрос об очищенной от различных примесей стратификационной роли этничности. И дело тут даже не в том, что обобщенные данные количественной этносоциологии редко позволяют с уверенностью говорить о сути происходящих процессов. Важнее другое. Сравнение тех или иных характеристик русского и титульного населения российских регионов никак не может дать нам содержательную оценку роли в наблюдаемых изменениях самого предмета нашего интереса – этнической идентичности. «Соревнование» между русскими и якутами, русскими, татарами и башкирами и пр. происходит в далеко не

безразличной к этничности правовой и институциональной обстановке. Должны ли мы трактовать явный прогресс в отношении вертикальной мобильности якутов за последние десятилетия как результат действия объективных, заложенных в самой этнической группе факторов, или в данном случае мы имеем дело с результатом соответствующей политики [affirmative action] центрального (российского) правительства? Подобные вопросы всегда будут возникать в ситуации сравнения поставленных в неравные правовые условия различных групп «местного» населения. Приводимые авторами цифры могут соответствовать действительности, однако сама эта действительность является суммой слишком большого количества факторов, так что выделение одного из них – собственно этнического, – который нас и интересует в наибольшей степени, не представляется возможным. Более эффективный путь – исследование экономических стратегий переселенцев.

В отечественной литературе было предпринято всего лишь несколько попыток анализа экономической адаптации постсоветских иммигрантов. Одной из первых стала работа В.В. Радаева [Радаев 1993], посвященная вопросу об этническом предпринимательстве в российской перспективе. Содержательным вкладом в научную дискуссию (помимо введения в оборот отечественной науки широкого круга западных концепций) стал акцент на институциональных особенностях российского общества – рудиментарность правовой базы, а также коррумпированность бюрократии и значительная напряженность на низовом уровне, создавшие препятствия, преодоление которых стало добавочной проблемой для этнического бизнеса [Ibid: 86]. Недостаток работы – чересчур «легкое» отношение к этнологической терминологии. Например, в тексте без необходимых пояснений используется дискуссионно перегруженное понятие «этносо», что приводит к уязвимости дальнейших, собственно социологических построений.

Сотрудники Центра независимых социологических исследований (г. Санкт-Петербург) О. Бредникова и О. Паченков, изучавшие этническую экономику азербайджанцев – торговцев на петербургских рынках, начинают свою статью с изложения собственной точки зрения на ключевые этнологические параметры, однако далее занимаются совершенно бесплодным делом доказательства отсутствия феномена, предварительно определив его таким образом, что он существовать в принципе не может [Бредникова, Паченков 2000]. Авторы исходят из определения «этнической экономики» «как экономики, в которую вовлечены индивиды, субъективно осмысленно ориентирующиеся в своем экономическом поведении на собственную субъективно понимаемую этничность и этничность тех, с кем они взаимодействуют» (Бредникова, Паченков, 2000; курсив наш. – Е.Ф.). Разумеется, ожидать того, что мигранты вместо рационального преследования собственной выгоды будут обеспечивать себе средства к существованию, руководствуясь (иногда в прямой ущерб себе) главным образом этническими чувствами, было бы странным. Тем не менее именно на доказательстве этого, в общем, тривиального тезиса и концентрируются в своем дальнейшем анализе авторы. Уже в заключении своего текста Бредникова и Паченков подводят следующие итоги: «Для наших информантов этничность не является достаточно важным ориентиром в экономическом поведении», и наконец: «гораздо большее значение <...> имеет позиция экономического мигранта, которая и вынуждает мигрантов строить свои социальные сети, ориентируясь на легкость и удобство, выгодность, доверие/контроль и другие принципы, описанные в статье» [Там же].

Собственно говоря, работы по теории этнических экономик, некоторые из которых мы кратко описали выше, обычно используют этот вывод как вполне очевидный отправной пункт для дальнейшего исследования *реальности*, а не как окончательное и бесповоротное доказательство невозможности ее существования. Теоретическая проблема как раз и состоит в том, чтобы понять, каким образом вполне рациональные действия иммигрантов – носителей одной этнической идентичности (пусть даже и субъективной) – приводят к широко известным феноменам их концентрации/доминирования в определенных секторах

экономики, где переселенцы создают новые рабочие места путем либо самозанятости, либо привлечения на свои предприятия наемного труда из числа представителей своей этнической группы, других мигрантов или местного населения.

Ответить на вопрос о том, почему азербайджанцы стали в какой-то момент преобладать в розничной и оптовой торговле овощами и фруктами на рынках крупных городов, а армяне, по утверждению С. Дамберга и Е. Чикадзе [2000], придерживающихся близких авторам теоретических воззрений, – контролировать до 70% рынка производства и ремонта обуви, О. Бредникова и О. Паченков, собственно, и не стремятся. Пожалуй, единственным приближением к постановке и решению этой проблемы стало выделение основных принципов возникновения постмиграционных социальных связей – уже упомянутых выше факторов легкости взаимодействия и культурной близости, экономической рациональности, доверия, давления извне и пространственной близости. Комментируя действие каждого из этих факторов, Бредникова и Паченков, правда, нехотя и далеко не всегда, но все же соглашаются, что подобные связи возникают преимущественно между представителями одной этнической группы. Тем не менее авторы каждый раз считают нужным особо заметить, что ни о какой закономерности говорить не приходится, а сети возникают не столько как следствие идеологически нагруженных этнических стратегий, сколько как результат случайных стечений обстоятельств, когда представители своей этнической группы оказываются единственными объектами, удовлетворяющими тому или иному признаку.

А действительно ли иммигранты начинают свою деятельность «с чистого листа», создавая заново те социальные связи, которые делают возможным их выживание в новых условиях? Полевые исследования российских армян показывают, что очень редко появление иммигранта в том или ином месте никак не предопределено существовавшими до того времени связями с представителями уже обжившихся здесь членов его этнической группы [Попков 2003: 126; Фирсов 2004]. С азербайджанцами дело обстоит несколько сложнее. Так, А. Снисаренко [1999] говорит о сильной этнической централизации азербайджанской среды Петербурга – община обеспечивает первичную адаптацию вновь прибывающих азербайджанцев в город. В. Попков указывает на слабость связей между кланово-земляческими кружками азербайджанцев Калуги. Как бы то ни было, мигрант с самого первого момента своего появления на новом месте оказывается в пусть и неорганизованной, но определенно этнической по составу, во многом изолированной от русского общества среде [Попков 2003: 174–175].

Интеграция переселенцев, таким образом, никак не может быть концептуализирована как случайный процесс. Конечно, основой возникающих сетей, которые уже постфактум определяются в этнических терминах, становится не эксплицитно выражаемая идеологическая этничность, а реально существующие задолго до акта миграции дружеские или родственные узы со своей этнической группой. Эти сети и их реализация в бизнесе и конституируют то самое рыночное доминирование, которое Бредникова и Паченков предлагают анализировать как результат независимых стохастических процессов. Но социальный хаос при ближайшем рассмотрении часто оказывается упорядоченным.

Этническое предпринимательство и этнические экономики в России как стратификационная проблема

Теперь можно обратиться к нашему главному вопросу о соотношении этничности и стратификации. Свой анализ мы, во-первых, ограничим территориально (случай Москвы в силу его особенности рассматривать не будем), а во-вторых, в силу большего знакомства с темой, будем в значительной степени основываться на собственных исследованиях российских армян и цыган. Впрочем, как мы постараемся показать, для построения модели этих двух примеров будет достаточно.

Как показывают западные исследования экономики иммигрантских сообществ, возможность построения стратификационных схем на основе этничности возникает в результате констелляции таких показателей, как материальное благосостояние, престиж, правовой статус и пр. Собственно, место в иерархии оказывается функцией изначального теоретического подхода, обычно имеющего марксистские или веберянские корни [Miles 1999: 93]. Независимо от взглядов исследователя, западные иммигранты, как наиболее ущемленные слои населения, чаще всего помещаются в самые низы стратификационных схем. Таким образом, основанный на картине неравенства западного общества тезис В. Радаева и О. Шкаратана кажется вполне обоснованным: «этнический фактор, действительно, обладает завидной устойчивостью в объяснении многих стратификационных проблем» [Радаев, Шкаратан 1996: 146]. Этничность коррелирует не только с классовым делением по зонам рынка труда, но и с территориальной структурой расселения членов этнической группы в дешевых запущенных районах западных городов [Там же: 144–145]. К этим замечаниям стоило бы добавить явление «выявленной стратификации», близко связанное с выделенным В. Вахштайном фактором резидентности – постепенным изменением положения индивида/группы по мере увеличения времени пребывания в принимающем обществе [Вахштайн 2003].

Возникает вопрос, сможем ли мы встроить фактор этничности и в стратификационный анализ российского общества. Есть два варианта. Во-первых, степень сходства в экономическом, социальном и культурном статусах (всех/большинства/репрезентативных) членов этнической группы может оказаться достаточной для того, чтобы учитывать показатель этничности при построении иерархии. Во-вторых, наши стратификационные мучения могут не принести нам результата, и тогда мы должны будем установить лишь то, что этничность наиболее адекватно соотносится с «культурно-статусным порядком», для которого «адекватна неиерархическая модель» [Радаев, Шкаратан 1996: 37].

Существенное продвижение нам принесет лишь первая из этих альтернатив. Соответствует ли она действительности? Очевидно, что четкого подтверждения мы найти не сможем. Ни одна из упомянутых выше корреляций в полной мере в российских условиях не фиксируется. Во-первых, сразу отпадает столь характерный для западных обществ фактор территориальной сегрегации – в России не существует аналогов внутренних городов, в которых были бы компактно расселены мигранты-«коэтники».

Во-вторых, фактор «выявленной стратификации» также можно смело игнорировать. Вся история постсоветских миграций составляет немногим более десяти лет. Этнические группы пока медленно меняют области своей преимущественной занятости, а трактовка (отсутствия) конкуренции на возникающих из ничего рынках достаточно сложна. Поэтому сам по себе факт доминирования группы в том или ином секторе экономики в очень малой степени помогает выявить иерархию предпочтений общества.

В-третьих, экономические роли и позиции принадлежащих одному меньшинству мигрантов весьма неоднородны. Даже если рассмотреть группы, наиболее концентрированные в нескольких основных секторах экономики, легко заметить, что сами эти сектора редко обладают близким статусом. (Например, как приравнять трудную жизнь азербайджанцев – рыночных торговцев и их более успешных «коэтников», владеющих сетями кафе или магазинов?) Кроме того, в составе этнических групп, даже с поправкой на искажения, которые вносят в их структуру интегрированные переселенцы советского времени, велика доля индивидов, которые выбирают особые стратегии: давление принимающего общества не настолько сильно, чтобы исключить распространенность самостоятельных, отличных от типовых для групп экономических решений. Количественная значимость этих подгрупп существенно осложняет отнесение общности в целом к тому или иному стратификационному слою.

В-четвертых, показатель престижности также неоднозначен. Осмелимся заметить, что к представителям этнических групп обобщенные «русские» редко испытывают презрение или зависть в чистом виде. Более часто и отчетливо можно заметить скорее ненависть – как к чужакам, которые «мешают жить». Пожалуй, из «инородных элементов» только цыгане могут претендовать на четко определенное положение в самом низу данной иерархии.

Наконец, важные ограничения следует наложить и на роль фактора резидентности. Конечно, внутренняя структура этнических групп часто определяется делением на «старых» и «новых» мигрантов [Фирсов 2002: 122–130; Попков 2003: 155–160]. Однако в стратификационном смысле это деление можно трактовать лишь как тенденцию. Значительно легче его связывать не с длительностью проживания на новом месте, а с (классовым) статусом в принимающем обществе. Так, в ходе полевых исследований мы неоднократно замечали, что успешные армяне-предприниматели сближаются и составляют реальные подгруппы/элиты локальных этнических общностей вне зависимости от стажа проживания (а наиболее удачливые – в ситуации российской провинции – оказываются членами неформальных «клубов», объединяющих местную элиту вне зависимости от национальности). В то же время не похоже, чтобы стратификационная позиция русских цыган, довольно часто мигрирующих с места на место, сильно коррелировала с фактором резидентности.

Таким образом, отрицательный ответ на вопрос о полной соотносимости стратификации и этничности определяется структурой российского общества и историческими особенностями миграций. Переселенцы не становятся сразу заведомыми изгоями, обитателями низов классовой лестницы. Так, грязные строительные работы или сфера мелкого производства и ремонта обуви – сектора экономики, где достаточно велика концентрация армян-мигрантов – в западных обществах могли бы считаться уделом маргиналов. В страдающей от безработицы российской провинции стабильность занятости часто становится синонимом престижа, а относительно значительные доходы позволяют переселенцам выйти по потреблению на уровень обеспеченных слоев местного населения. Такая ситуация является прямым следствием протекающих в российском обществе трансформационных процессов. Миграция в западные страны оканчивалась для представителей «мировой деревни» чаще всего ущербными позициями в развитых рыночных системах с весьма призрачными шансами на ощутимую вертикальную мобильность в течение жизни. Для активных людей – вне зависимости от возраста, места происхождения и образовательного статуса – Россия 1990-х гг. предоставляла реальные шансы на успех. Появление новых секторов экономики привело к разбалансировке устоявшейся еще в советское время иерархии занятости, что определило особую сложность выбора критериев, с помощью которых можно верно отражать существующее неравенство.

Означает ли все вышесказанное, что этничность оказывается нерелевантной для наших попыток стратификационного деления? Как мы видели, в прямом и полном смысле – да: этот фактор, взятый отдельно, не позволит построить какую бы то ни было окончательную схему. Однако только такой ответ не может нас удовлетворить в силу его интуитивно ощущаемой неполноты. Слишком уж бросается в глаза разрыв в стилях жизни, поведенческих практиках и культуре между близкими с социально-профессиональной или классовой точек зрения, но принадлежащими разным этническим группам людьми. Важнее даже другое. Исторический опыт показывает, что различаются они и по показателю будущей мобильности. Примерно равные, не зависящие от этничности и страны исхода позиции в принимающем обществе недавних переселенцев имеют тенденцию со временем перерождаться в обладающую значительной межгрупповой дисперсией иерархию статусов. Армяне-мигранты приехали в российскую провинцию всего лишь несколько лет назад в поисках куска хлеба. Сегодня по уровню благосостояния многие из них относятся, по крайней мере, к средним слоям местного общества, а по показателю потенциального межпоколенного передвижения явно могут рассчитывать и на большее. В этом, впрочем, нет ничего нового. Ю.В. Арутюнян

фиксировал такого рода динамику для армян в Москве еще в советское время [Арутюнян 1991: 5–8], а недавние исследования того же автора, кажется, только подтверждают эту тенденцию [Арутюнян 2001: 19–20]. Судьба евреев или итальянцев – переселенцев рубежа XIX–XX вв. в США – может послужить заокеанским примером этой закономерности.

Возможным выходом из указанных затруднений становится построение стратификационной схемы, основанной на нескольких параметрах. Сразу понятно, что многофакторная перспектива, скорее всего, закроет для нас возможность сосредоточиться преимущественно на марксистском анализе. Последний, возможно, и помог бы нам стратифицировать элитные (буржуазные) группы, где этничность занимает подчиненное положение по отношению к классовой принадлежности, но едва ли окажется полезным для рассмотрения рядовых слоев иммигрантских групп. Поэтому западные концепции расколотого класса или этнической фракции будут здесь явно не востребованы. (Применительно к российским реалиям вряд ли стоит вспоминать и о классовом антагонизме.)

Поставленная проблема учета образа жизни, норм, культуры и, главное, жизненных шансов людей заставляет нас обратиться к обсуждению применимости неовеберианского анализа. Какова же в нем будет роль этничности? Ответ очевиден. Раз констелляция этих факторов сильно коррелирует с этничностью, то последняя вполне может стать тем показателем, который хотя бы частично разрешит проблему статусной декомпозиции и нормативно-статусной неопределенности [Радаев 1999: 46]. Для стратификационного разграничения различных слоев нужно произвести «соотнесение множества критериев, учет разнообразных линий, отделяющих ту или иную группу от более низких и более высоких слоев, а также от “соседей” по социальной лестнице [Там же: 57]. Принятие же во внимание относительно легко наблюдаемого показателя этничности позволит значительно уменьшить количество и увеличить согласованность этих критериев.

Обсуждая эвристическую ценность использования этнического деления в стратификационных исследованиях, Радаев и Шкаратан считают важным преимуществом *реальность* выделяемых таким образом социальных групп [Радаев, Шкаратан 1996: 146]. В российских условиях, в силу внутренней гетерогенности диаспорных меньшинств, единство поведения и места в иерархии может быть характеристикой не столько идентифицирующих себя с определенной этничностью членов больших общностей, сколько пересечений последних с классовым или статусным делением. Действительно, сети коммуникаций связывают чаще всего примерно одинаковых по уровню жизни или социальному происхождению армян. (Впрочем, причины и следствия здесь разделить не так просто – эти связи часто приносятся из стран исхода и порой могут сами обуславливать статусную близость, определяя сходство экономических, культурных и нормативных стратегий на новом месте.)

Для западных определений «этнической экономики» важно доминирование меньшинства в том или ином секторе экономики, мы же – в целях стратификационного анализа – расширим это определение, сделав акцент не на узости профессиональной структуры, а на классовой близости адаптационных стратегий мигрантов, которые в ситуации выбора между конкуренцией на рынке труда принимающего общества и организацией пусть мелкого, но собственного дела отдадут предпочтение последнему. Поэтому такого рода классово-этнические объекты, выделяемые вне связи с этнической солидарностью и использованием специфических групповых ресурсов, тем не менее оказываются реальными, выдерживающими иерархизацию группами. Заметим, что наша трактовка «этнической экономики», несмотря на внешние отличия, является лишь приспособлением западных определений (Уолдингера; Лайта и Карагеоргиса) к российским реалиям. Мы продолжаем рассматривать это понятие на уровне соединения возможностей, предлагаемых структурой принимающего общества, с ресурсами сетей мигрантов, а в наше новое определение в качестве обязательных входят все те же ключевые характеристики, отличающие этническую экономику (самозанятость и пр.).

Таким образом, выделенные нами слои – этнические экономики иммигрантских сообществ – согласованно локализованы по всем основным иерархическим шкалам в силу своего построения и, кроме того, характеризуют реальные группы. А раз так, то наша задача может считаться выполненной. Отдельный важный результат – утверждение о том, что в российских условиях этническая идентичность является, по крайней мере, косвенным стратификационным признаком.

Заключение

Стратификационное исследование обычно решает следующую задачу. Предполагая существование (неявной) иерархии социальных различий, мы пытаемся создать механизм ее выявления через приписывание наблюдаемым группам определенных интегрированных характеристик, соответствующих ступеням нашей статусной лестницы. В идеале этот механизм должен учитывать не только наблюдаемые, но и ненаблюдаемые признаки, уметь их комбинировать. Реально социолог сталкивается с трудностью фиксации даже самых простых «явных» характеристик. Не углубляясь в методологию количественных исследований, заметим лишь, что смещения, возникающие как при формулировании вопросников, так и на стадиях самого опроса и дальнейшей обработки материала, очень трудно элиминировать.

Что уж тогда говорить о фиксации неявных или даже потенциальных характеристик? Выходом может быть поиск таких показателей, которые, с одной стороны, относительно легко наблюдаются, а с другой – хорошо коррелируют с ненаблюдаемыми или трудно фиксируемыми качествами индивида. Одним из таких параметров – конечно, не в силу мифической генетической ущербности, а как результат исторически обусловленного неравенства – может считаться этническая идентичность. Для стабильно структурированного западного общества уже даже одного этого фактора иногда может быть достаточно, чтобы с изрядной долей уверенности вычислить стратификационную позицию индивида. Аргументация данного тезиса основывается в том числе и на исследованиях «этнических экономик» – феномена концентрации представителей одной этнической группы в определенных секторах занятости.

В российском случае такая уверенность, увы, невозможна. В данной работе мы постарались привести ряд аргументов против подобной логики (список, впрочем, далеко не полон). И все-таки дело не так безнадежно. Интуитивное понимание значимости параметра этничности заставляет искать способы его интеграции в наши схемы. Для решения этой задачи необходимо на время отвлечься от собственно стратификационной парадигмы и посмотреть внимательнее на ту реальность, которая скрывается за интересующим нас типом идентичности. Коммуникационная теория этничности, которой мы придерживаемся, позволяет нам увидеть за аморфной, часто идеологизированной категорией набор взаимосвязанных между собой информационных сгустков-сетей, соединение которых в одно целое и составляет понятие «этнос». Впрочем, это макроединство является лишь производным от *реальных* связей, наибольшая концентрация которых наблюдается в близких по классовым и статусным позициям группах «коэтников». Именно это утверждение и заставило нас модифицировать ставшее ключевым для западных исследователей-«стратификаторов» понятие «этнической экономики», включив в него обязательность пересечения этнической идентичности с классово-статусной принадлежностью индивидов. Выделенные реальные группы могут рассматриваться в качестве основы для интегрированной стратификационной системы.

Литература

- Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989.
- Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Вып. 2. М.: Наука, 1972.
- Арутюнян Ю.В. Армяне-москвичи. Социальный портрет по материалам этносоциологического исследования // Советская этнография. 1991. № 2. С. 3–17.
- Арутюнян Ю.В. Армяне в Москве (по результатам сравнительного исследования) // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 13–21.
- Бредникова О., Паченков А. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Этничность и экономика в постсоциалистическом пространстве. Труды ЦНСИ. Вып. 8. СПб., 2000. <http://www.indepsocres.spb.ru>
- Вахштайн В.С. Резидентность как фактор социальной стратификации // [Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 3. С. 120–135.](#)
- Дамберг С., Чикадзе Е. Армяне в обувном бизнесе Петербурга // Этничность и экономика в постсоциалистическом пространстве. Труды ЦНСИ. Вып. 8. СПб., 2000. <http://www.indepsocres.spb.ru>
- Малахов В. «Скромное обаяние расизма» и другие статьи. М.: Модест Колеров и Дом интеллектуальной книги, 2001.
- Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. М.: Институт социологии РАН, 2003.
- Радаев В.В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Политические исследования. 1993. № 5. С. 79–87.
- Радаев В.В. Стратификационный анализ постсоветской России: неовеберианский подход // Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России. Вып. 11 / Под ред. И.А. Бутенко. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. С. 46–59.
- Радаев В. В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Снисаренко А. Этническое предпринимательство в большом городе современной России (на примере исследования азербайджанской общины в Петербурге) // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 138–155.
- Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Academia, 2002.
- Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 43–63.
- Фирсов Е.Ю. Инварианты армянской диаспоры в российской провинции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 2. С. 113–132.
- Фирсов Е.Ю. Российские армяне и их исследователи // Этнографическое обозрение. 2004. № 5 (в печати).
- Фирсов Е.Ю., Кривушина В.Ю. Коммуникативная среда российской армянской диаспоры: на примере полевых исследований локальных диаспорных групп Владимирской области // Диаспоры. 2004. № 1 (в печати).
- Bonacich E. A Theory of Ethnic Antagonism: The Split Labor Market // American Sociological Review. 1972. Vol. 37. P. 547–559.

- Bonacich E. A Theory of Middleman Minorities // *American Sociological Review*. 1973. Vol. 38. P. 583–594.
- Light I., Karageorgis S. The Ethnic Economy // N. Smelser, R. Swedberg (eds.). *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 646–671.
- Miles R. Racism and Class Structure: Migrant Labour in Contemporary Capitalism // L. McDowell et al. (eds.). *Divided Nation*. L.: The Open University, 1999. P. 93–110.
- Sarre P. Race and the Class Structure // C. Hamnett et al. (eds.). *Changing Social Structure*. L.: Sage, 1989. P. 125–157.
- Waldinger R. *Through the Eye of the Needle: Immigrants and Enterprise in New York's Garment Trades*. N.Y.; L.: New York University Press, 1986.
- Waldinger R., Aldrich H., Ward R. Opportunities, Group Characteristics, and Strategies // R. Waldinger et al. (eds.). *Ethnic Entrepreneurs. Immigrant Business in Industrial Societies*. Newbury Park, L., New Delhi: Sage, 1990. P. 13–47.
- Ward R. Minority Settlement and the Local Economy // L. McDowell et al. (eds.). *Divided Nation*. L.: The Open University, 1999. P. 111–127.